

Виктор Серов

Сапфир

*От автора: Все
события и персонажи
произведения
вымышлены.*

*Возможные
совпадения с реальными
фактами и личностями
случайны.*

Пролог

— Товарищ адмирал, они не прошли, — доложил командир крейсера руководителю контрольных испытаний.

— Как не прошли!?! — воскликнул Селезнев. — У меня с глазами и ушами все в порядке. Я лично зафиксировал два взрыва... там...

Он махнул рукой в направлении виднеющегося на горизонте макета эсминца, носовая часть которого скрылась за клубящимся черным дымом.

— Мы дали им дойти до цели и сбросить груз, но обнаружены они были уже в полумиле от

нашего борта.

— По каким параметрам?

— Простите, товарищ адмирал?

— Спрашиваю, как они были обнаружены?

— Вначале на дальнем подступе — с помощью радара, а затем и визуально...

— Даже так? — удивился адмирал. — Запись, надеюсь, имеется?

— Так точно!

— Пойдем — покажешь.

Вслед за капитаном второго ранга тот проследовал в рубку, напичканную современной аппаратурой. Три офицера тут же вытянулись в струнку. Адмирал махнул рукой и присел за большой круглый монитор. В правом нижнем углу пульсировала дата — 12.07.1984.

Вначале показались две точки, которые постепенно увеличивались и... превратились в грациозные морские создания. Словно неземные существа, они парили в пронизанном солнечными лучами бирюзовом пространстве. Вдруг в глубине экрана возник прицел и сфокусировался на одном из них. Селезнев напряженно всматривался в драматическую картину, ожидая логического завершения. Когда дельфины вышли из поля зрения, он облегченно выдохнул:

— Не убили!?

— Нет, товарищ адмирал. И даже не

помешали им поразить цель.

— Не понял. Разве эта картинка — не после завершения операции? Где же тогда взрывчатка?

— Груз находился в специальных контейнерах из материала с очень низким коэффициентом преломления всего видимого спектра. В водной среде он визуалью не обнаруживается... ну, если только сильно присмотреться, можно увидеть небольшой контур рядом со спинным плавником... это наши последние технические достижения, — гордо констатировал командир корабля. — Контролируются лишь сами животные, но здесь мы бессильны.

— Что ж, — выдержав паузу, удовлетворенно хмыкнул адмирал. — Если объединить ваши разработки и... позовите-ка нашего гостя...

Через минуту в рубке появился худощавый молодой человек в штатском. Бросались в глаза его длинные светлые волосы, темные очки и тонкие губы, на которых блуждала ироническая улыбка.

— Леонид, вы готовы? — спросил Селезнев.

— Как пионеры, Петр Степанович, — отрапортовал тот необычно высоким голосом.

— Ну, тогда командуй своими «бойцами».

— Юра, выпускай Фанта! — прокричал штатский в предложенную трубку рации.

— Сколько примерно до платформы? —

спросил адмирал.

— Пятнадцать с половиной миль... точно, — тут же отреагировал командир крейсера.

— Значит наш дельфин сразу в зоне действия радара. Тогда смотрим.

Все присутствующие прильнули к экрану, однако там никаких возмущений не последовало. Не изменилась картина и через десять минут, и через двадцать. Тягостное молчание нарушил один из офицеров:

— Куда же он делся?

— Сейчас он находится метрах в двухстах от нас, — гордо провозгласил Леонид, теребя в руках какое-то устройство.

— Этого не может быть! — воскликнул капитан второго ранга. — Мы способны зафиксировать даже кильку...

— Тогда прошу всех на палубу, — предложил штатский и первым направился к выходу.

Через минуту изумленные моряки наблюдали, как из воды выпрыгивало нечто, в чем едва угадывался дельфин. Вначале это были просто брызги, затем в воздухе возникли темные полосы и лишь на излете проявились контуры животного.

— Ни х-х-хрена себе, — первым пришел в себя командир крейсера. — Получается, что ваш Фант в воде совершенно невидим...

Сняв фуражку и взъерошив волосы, он

задумчиво продолжил:

— Вот если бы нам пару-тройку подразделений, но не дельфинов, а парней, обладающих такими же свойствами. Вот тогда советский флот стал бы поистине непобедим.

Леонид «стрельнул» глазами в его сторону и вновь скривил губы в улыбке.

Убийство

Казалось бы — солнечный июньский день. Птички, зелень и прочее. Живи и радуйся. Однако подобного настроения точно не было. Андрей потянулся к заветному карману и...выругался. Там были только ключи. Неделю назад он окончательно решил расстаться с вредной привычкой, но организм этого не понял и постоянно требовал сигаретку... ну, хотя бы одну...

Тренькнул внутренний телефон.

— Ты на месте? Зайди! — спросил и приказал начальник.

— Андрюш, тебе повезло — работы прибавилось, — опять же в своем стиле одновременно радостно и ехидно сообщил Гурко представшему перед ним подчиненному.

Никитину удалось пережить двоих руководителей Бежицкого Следственного отдела. Этот был третьим. Когда шесть лет назад молодой

лейтенант переступил порог «храма сыска», в кресле начальника сидел добрейший Петров Виктор Иванович. Над ним тогда висел большой портрет Путина. Виктор Иванович с этой должности благополучно ушел на пенсию. После него это место занял резкий и даже немного злобный Бочкин Юрий Дмитриевич. Над ним висел не менее грандиозный портрет Медведева. Бочкин ушел на повышение. И вот теперь здесь Гурко Илья Семенович. Над ним висят оба...

— Надеюсь, это не по вчерашнему старику?

— Чем ты ценен, капитан, так это своей железной интуицией, — вовсе рассмеялся Гурко. — Срочно свяжись с экспертом. Там «бомба». Да, и возбуждай, наконец, дело...

— Заинтриговал,... — буркнул Никитин и вышел.

Собственно вопрос о возбуждении уголовного дела стоял и вчера, но следователь капитан юстиции Андрей Никитин не стал этого делать, сославшись на недостаточность оснований. Да — труп весь синий, да — на руках следы от инъекций, но ведь покойнику было уже шестьдесят семь, а умершие, допустим, от инсульта тоже все синие. И, возможно, тот накануне ставил капельницы.

Размышляя, Андрей набрал номер судебного эксперта:

— Привет, Гриш — Никитин. Шеф сказал, что

во вчерашнем трупе заложена бомба...

— Кроме шуток: если бы была бомба, то это было бы не так страшно, как есть на самом деле. Короче, Андрюх, приезжай в морг — на месте не только расскажу, но и покажу, — отрезал Григорий и тут же в трубке раздались короткие гудки.

Ловко преодолевая пробки на своем маленьком Рено, капитан прокручивал в голове события, связанные с данным инцидентом. Тело пенсионера Полякова Михаила Яковлевича было обнаружено вчера утром его дочерью и участковым. Это случилось в частном секторе, получившем в народе название «Горка нищих» за преобладание в нем самых крутых коттеджей в Брянске. После смерти жены в своем огромном особняке Поляков проживал один. Дочь Ирина вместе с мужем и ребенком снимали квартиру в другом районе города. Третьего дня Ирина в течение дня тщетно пыталась связаться с отцом. Когда же тот не ответил и на следующее утро, она, наконец, не решившись самостоятельно войти в дом, вызвала участкового. Поляков был обнаружен в нижнем белье на полу в ванной комнате. Его «статус» участковый определил уже по цвету кожи и тут же на всякий случай вызвал опербригаду. Через пару часов Андрей по распоряжению начальника также присоединился к коллегам из райотдела полиции.

Внешний вид покойника был ужасен, если в данной ситуации вообще можно так говорить. Капитан за весь свой богатый криминальный опыт ни разу не сталкивался со «свежим» трупом в подобном состоянии. Однако больше никакого криминала в доме обнаружено не было: ни посторонних отпечатков пальцев, ни следов взлома, ни пропавших ценностей. За исключением, правда, мобильного телефона Полякова. Ирина выразила надежду, что он обязательно найдется, так как отец к своим вещам относился довольно небрежно. Во дворе и прилегающей территории также ничего заслуживающего внимания найдено не было. Охранная система, включающая камеры наблюдения, имела место быть, но, по словам Ирины, была давно отключена — в целях экономии. Так якобы распорядился Поляков, поскольку постоянно сам находился в доме. Опрос ближайших соседей также закончился безрезультатно. Никто из них ничего и никого подозрительного не видел. Если же будет доказана насильственная смерть, то у Никитина в «загашнике» была кандидатура, у которой имелся железный мотив это сделать. Это был ни кто иной, как зять почившего Эдик Антонян...

Недалеко от входа в морг, мусоля длинную коричневую сигарету, стоял лучший эксперт региона Гриша Марков. Подъехавший почти

вплотную «Сандеро» Никитина заставил того резко отпрянуть.

— Ты что, следак, творишь, а? — почти серьезно проговорил Марков. — Я же еще пригожусь. И не только тебе.

— Пригодишься, согласишься, — Андрей вышел из машины. — Рад тебя видеть, Гриш. Но, представив, куда ты меня сейчас потащишь, мне захотелось тебя раздавить. Вот и получилось нечто среднее.

— Н — у — у, — поздоровавшись, протянул эксперт. — Давай тогда вначале это дело перекурим.

Он достал пачку и ловко на треть выбил из нее сигарету.

— Спасибо, я бросил, — как-то не очень убедительно отстранился капитан.

— Когда ж ты успел? — удивился Григорий. — Дней десять назад в твоём Управлении мы благополучно дымили, и ты об этом даже и не заикался.

— Не знаю. С тех пор, наверное, и не курю.

— Ну и зря. Последнее дело — лишать себя удовольствия. Его и так уже почти не осталось, — загадочно констатировал эксперт.

«Вот это да, — думал Никитин, следуя за ним в здание. — И это говорит врач, хоть и патологоанатом».

Посреди комнаты возвышалась каталка, накрытая белой простыней. Кое-как переведя дух и заставив организм не реагировать на запах, Андрей кивнул Маркову. Тот не стал себя долго уговаривать и решительно сдернул простыню. Причем всю. Преодолевая брезгливость, капитан выдавил:

— Ну и?...

— Вот смотри, — Григорий взял со стола скальпель и проткнул им вздувшуюся вену на ноге трупа. Из отверстия брызнула прозрачная жидкость.

— Что это? — удивленно спросил Никитин.

— Вот и я вчера охренел. Сегодня пришли результаты анализа. Ты не поверишь — это оказалась обыкновенная вода... обыкновенная водопроводная вода, которая полностью соответствует содержимому в кране жилища покойника.

— И как она к нему попала?

— Ха-ха. Это ты у меня спрашиваешь? Это я у тебя должен спросить! Ты не находишь?

— Я интересуюсь механизмом, то есть, каким образом ее можно туда закачать. Ну, и где кровь, в конце концов? — попытался реабилитироваться Андрей.

— Вот это правильный вопрос. Ответ следующий: вода в организм Полякова попала с одновременным удалением из него крови.

Некоторое время, возможно минуту, сердце убиенного гоняло по жилам чистую воду. Потом остановилось.

— Почему убиенного? — тут же профессионально отреагировал Никитин.

— Ты полагаешь, он сделал это самостоятельно? — хохотнул Марков. — Подтащил к себе аппарат гемодиализа и давай менять кровь на воду!

— Какой аппарат? В доме никакого аппарата у него нет.

— Подобную операцию можно сделать только с помощью специального медицинского оборудования. Таким и является аппарат, который применяется при почечной недостаточности — чтобы очистить кровь, — просветил эксперт Андрея. — Вот видишь следы от катетеров?

Григорий указал скальпелем на глубокие отметины на руке и груди покойника.

— Точное время наступления смерти известно?

— Ну как точное? Я и Бацаев, который был на месте, сошлись во мнении, что дух из него вышел позавчера... семнадцатого июня в промежутке между четырнадцатью и восемнадцатью часами. Впрочем, все это я изложил в заключении, которое заберешь в нашей конторе, — завершил монолог Григорий.

Поскольку судебный морг находился рядом с областной больницей, Никитин решил попутно ознакомиться с упомянутым экспертом аппаратом. Врач нефроотделения отвела следователя в процедурную, где в это время и происходило очищение крови. Зрелище тоже было не для слабонервных. Однако Никитин успел сделать для себя вывод, что подобный аппарат вряд ли можно бесследно затащить в дом Полякова, а затем также и удалить из него.

Пережитое отнюдь не добавило Андрею настроения. Поэтому, подъезжая к мосту через Десну, он решил спуститься на берег реки и немного отдышаться.

Капитан не ошибся. Несколько глотков свежего воздуха прочистили мозги и нормализовали мыслительную деятельность. Исходные данные сложились в некую систему, которая и указала на дальнейшие шаги. Несмотря на обеденное время, пища после посещения вышеуказанных заведений пока не вызывала естественных эмоций. Поэтому Никитин прямо с берега решил отправиться на свидание к супругам Антонян. По очереди. К обоим имелась масса вопросов, которые необходимо было прояснить. Пока без протокола, но хотя бы под диктофон.

Ирина на звонок ответила сразу. В это время она находилась в доме отца и готовилась к

похоронам. Однако визит следователя восприняла как нечто неизбежное, хотя и не совсем справедливое.

— Я ведь вчера и вам и Николаю Петровичу, здешнему участковому, рассказала все, что знала, — буквально с порога выпалила она.

— Простите, Ирина Михайловна, — выдохнул Никитин, опускаясь в предложенное кресло, — но такая уж у нас работа. Вскрываются новые обстоятельства или, например, что-либо вспоминается, чему ранее не придавали значения. Скажите, пожалуйста, почему вы вчера сами не решились войти в дом, а пригласили участкового?

Возникшая пауза свидетельствовала о том, что Ирина боится сказать правду, а другую версию еще не придумала. В этом случае «по законам жанра» оппоненту нельзя давать опомниться, чтобы тот не начал врать.

— Или вы все же вошли? — добавив металла в голос, продолжал капитан. — Но потом, испугавшись, покинули помещение и вызвали полицию. Так?

— Нет, не так.

— Ну, и?...

— Я боялась... боялась, что увижу то, что и оказалось на самом деле.

— Боялись, что увидите отца мертвым?

— Да.

— Вы кого-либо подозреваете, кто мог бы убить Михаила Яковлевича?

— Что!? Разве он не сам умер?

— Факты говорят о том, что смерть была насильственной. А как у него было со здоровьем?

— Ну, более или менее, — испуганно ответила Ирина. — Давление. Лекарства принимал...

— А как насчет почек? Заболевания почек у него были?

— Нет. Почему вы спрашиваете?

— Проверяю некоторые версии. Ирина Михайловна, вы сказали, что боялись увидеть отца мертвым. Почему? Ведь здоровье по вашим словам у него было «более-менее».

— Потому что он два дня не отвечал на звонки. Я и подумала...

— И только? Или что-то еще? — с «железной» интонацией спросил Никитин.

По вновь возникшей паузе он понял, что вновь на правильном пути.

— Ну, еще у него очень плохие отношения с моим мужем... были...

— Поясните.

— После свадьбы мы жили в этом доме. Здесь родилась и наша дочь. У папы и Эдика сразу не заладились отношения. Папа — деспот, а Эдик тоже не даст себя в обиду. Постоянно ругались...

— Убить не грозились?

— Бывало, но это в пылу ссоры. А когда после рождения Лизы я предложила разделиться и сделать отдельный вход, папа и вовсе нас выгнал. С тех пор они с Эдиком больше не виделись, — последнюю фразу женщина произнесла скорее в вопросительной интонации, нежели утвердительной.

— Ну, хорошо, а где же сейчас находится Эдуард?

— Он не Эдуард, он — Эдик, — впервые улыбнулась Ирина. — Моя дочь — Эдиковна.

— Да ну? — удивился Никитин, но исправился. — Так где же Эдик?

— Не знаю. Он предприниматель. Постоянно в движении...

— И последний вопрос: у вас братья-сестры имеются?

— Нет. Я была единственным поздним ребенком в семье. Когда родилась, папе было сорок четыре, а маме тридцать семь. Двоюродных своих я ни разу в жизни не видела.

Записав все возможные контакты Антоняна, Андрей вышел на улицу. Связаться с вероятным убийцей он решил сразу. На первый звонок абонент не отреагировал. После десятого гудка женский голос доложил, что тот сейчас не может ответить. Второй вызов был прерван, то есть Эдик его

сбросил. Ну, а в третьем случае тот же голос констатировал, что телефон абонента отключен или находится вне зоны.

Как и предполагал Никитин, через минуту тот позвонил сам. С легким кавказским или, правильнее сказать — закавказским, акцентом он поинтересовался:

— Вы что-то хотели? У меня ваш неприятый вызов.

Представившись, капитан настоятельно посоветовал звонившему не отключать трубку.

Беседа состоялась в районе Площади Партизан в салоне автомобиля Эдика. Видавший виды БМВХ5, как понял Андрей, являлся по жизни основной гордостью хозяина. Поэтому Никитину удалось с трудом направить разговор в нужное русло:

— Эдик, судя по тому, как вы увлеченно и жизнерадостно рассказываете о машине, смерть тестя вас особенно и не огорчила?

— Огорчила!?!... Не то слово! Это был зверь! Я, конечно, сочувствую Ире и Лизке... да и про покойников вроде плохо не говорят, но это был зверь. А что касается жизнерадостно — не жизнерадостно, то, поймите меня правильно, перспектива поменять съемную однокомнатную квартиру на хоромы как-то тоже не огорчает.

Подобную тираду, да еще экспромтом, вряд

ли бы произнес убийца. Если только он семи пядей во лбу, да еще и гениальный артист. Данными качествами Антонян явно не обладал. Однако следователю нужны были факты:

— Вспомните, Эдик, где вы были во вторник во второй половине дня?

— Понял. Вы меня в чем-то подозреваете? А в чем именно? Тесть умер своей смертью...

— Хочу напомнить, что здесь вопросы задаю я, — официально продекларировал Никитин. — Если вас не устраивает наш разговор в подобном формате — извольте получить повестку. Будете давать показания под фонарем и под протокол в качестве подозреваемого в убийстве. Потому что вашему тестю помогли...

Наблюдая при этом за Антоняном, Андрей еще раз убедился в естественности поведения оппонента. Тот весь напрягся и даже побледнел.

— Как помогли? — не дослушав, пробормотал он. — Ира сказала, что он умер... ладно... о чем вы спросили?... во вторник... это значит, позавчера... я после обеда был в Карачеве!

Последнюю фразу он буквально выкрикнул. Далее уже уверенно продолжил:

— Я туда приехал часов в двенадцать. Обедал уже там — у Рудика. Они все могут подтвердить. А выехал назад в Брянск — уже темнело. Часов в девять...

— С какой целью вы посещали Карачев?

— Как? По делам. У нас общий бизнес. Да и не виделись уже давно. Мы все земляки — из Спитака.

— Ну, хорошо, — Никитин понял, что, скорее всего, Антонян действительно не имеет никакого отношения к смерти Полякова. — Мы кое-что еще проверим, а затем вызовем вас с женой подписать протокол.

По пути в отдел он связался с карачевским коллегой Борисом Дольским и попросил его тщательно проверить слова Эдика. От районного центра до Брянска всего сорок километров и за пару часов на хорошей машине можно успеть лишиться жизни Полякова и вернуться назад, создав, таким образом, себе алиби. Оформить официальный запрос Дольскому Андрей пообещал сразу по прибытии на работу.

В отделе капитана посетила еще одна интересная мысль. Точнее, она возникла еще вчера, но затем отошла на второй план. Сейчас же Никитин решил, что самое время искать ответ и на эту загадку — куда делась кровь Полякова? Вариантов было два: преступник забрал ее с собой или оставил на месте, то есть, например, спустил в унитаз. Проверить это не составляло труда, поскольку канализация в доме была автономной. Проще говоря, все сливалось в так называемую

выгребную яму. Поэтому капитан решил произвести обследование этой самой канализации. Андрей понимал, что данное мероприятие необходимо провести как можно быстрее, поскольку на завтра в доме намечались похороны и, соответственно, поминки. Поэтому существовала реальная опасность буквального «размывания» искомым уликам.

В ущерб желудку, который уже принялся урчать, Никитин вновь взял курс на «Горку нищих», попутно пригласив людей, необходимых для проведения мероприятия и подписания акта. Это были участковый, эксперт и специалист из ЖКХ. В последний момент уже по пути Андрей захватил из частной управляющей компании знакомого сантехника Игоря, благо, что тот оказался на месте. Именно он и явился самым ценным субъектом в вышеперечисленной бригаде. Еще в машине, уяснив суть вопроса, он убедил Никитина, что совершенно не обязательно лазать в яму и вскрывать трубы. Достаточно снять гофру с унитаза и сифоны с раковины и ванны и исследовать их содержимое.

Так впоследствии и оказалось. Жидкость в сифоне под ванной имела откровенно бурый цвет. Следовательно, можно было утверждать, что злоумышленник с помощью какого-то неизвестного устройства выкачал из Полякова кровь, слил ее в

ванную и тут же закачал в еще живого пенсионера водопроводную воду. Никитина передернуло, когда в итоге он все это и представил.

На следующий день Андрея ожидали две предсказуемые новости. Документы, переданные по факсу, лежали у него на столе. В первом из них содержался отчет Бориса Дольского по опросу свидетелей, общавшихся в среду с Эдиком Антоняном. За все контрольное время Никитин, к счастью для подозреваемого, не обнаружил даже получасового разрыва. Второй представлял собой экспертизу жидкости, добытой вчера из сифона ванны убитого. Концентрация крови составляла там тридцать процентов и по всем показателям соответствовала биологическим параметрам покойного Полякова. А через час капитана вызвал начальник отдела.

— Проходи, капитан, садись, — Гурко жестом указал на стул, стоящий почти посередине комнаты. — Не придвигай, ты там лучше виден.

— Ну, ты даешь, — буркнул Андрей, хотя уже и привык к экстравагантным выходкам подполковника.

— Что там с делом Полякова?

— Работаем..., — вкратце доложил Никитин о проделанной работе.

— Согласен с мероприятиями, но категорически не согласен с отсутствием

результата. Где преступник или хотя бы подозреваемый?

— О результатах говорить еще рано, поскольку дело не такое уж простое... а что случилось? — Андрей понял, что для подобного разговора на начальной стадии расследования должна быть очень веская причина.

— Случилось?... Вот, посмотри, как надо работать. Утром, не успел прийти на работу — позвонили из Управления. Пришлось спуститься в киоск, — Гурко протянул популярную региональную газету «Десна».

Передовица пылала огромными кровавыми буквами — ВАМПИР В ГОРОДЕ.

— Ну, это они умеют, — вроде как стал оправдываться капитан. — Дай только повод...

— Вот, вот. И два дня не прошло, а у них уже все разложено по полкам. Известен и злодей, и мотив, и подробное описание шабаша да и еще черт-те что. А какие слова, какие обороты! Население, думаю, уже дрожит. Насчет повода... как ты думаешь, кто этот самый повод дает? Правильно, мы и даем. Короче, я тебя вызвал для того, чтобы ты связался с нашей пресс-службой и рассказал о проделанной работе. Разумеется, без ущерба для следствия. И с обещанием в ближайшее время найти преступника. Понял?

— Так точно!

Связаться по телефону с помощником руководителя Следственного управления по работе со СМИ было практически невозможно. Поэтому Андрею пришлось туда ехать самому. Весь процесс передачи и «правильной» подачи информации продолжался почти до вечера. Было даже записано небольшое интервью. Тем не менее, время пребывания в Управлении капитан справедливо считал напрасно потерянным. Освободившись лишь в седьмом часу, он решил вновь посетить пресловутую «горку», чтобы лично побеседовать с соседями, которые в своей массе к этому времени уже возвращались домой. На повороте с Флотской, то есть за пару километров до объекта, Никитин зафиксировал вспышки салюта. По мере приближения к цели, они становились ярче, а звуки разрывов — громче. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что данный «праздник жизни» бурлит именно за забором усадьбы Поляковых.

Ближайшая соседка, будто ожидавшая звонка, мгновенно открыла калитку.

— Здравствуйте, следователь капитан Никитин, — тут же представился Андрей, вынув из нагрудного кармана удостоверение. — Могу ли я задать вам несколько вопросов? Извините, как ваше имя?

— Меня зовут Вера Ивановна. Вопросы тоже можно. Проходите, — блеснула золотой коронкой

женщина. — Если вы насчет Яковлевича, то в тот день заходил один из ваших. Я ему рассказала все, что знала.

В огромной беседке, куда хозяйка пригласила Никитина, сидела девочка-подросток, листала журнал и поглядывала в сторону соседского дома.

— Господисуси! — вскрикнула Вера Ивановна при очередном фейерверке. — Когда ж вы уgomонитесь? Настен, иди-ка, погуляй, я с дядей поговорю...

— Ничего, ничего, пусть сидит, — махнул Андрей рукой. — Она нам не мешает.

Девочка, однако, встала и переместилась в дальний угол беседки. Было заметно, что теперь она смотрит не в журнал, а исподлобья изучает гостя.

— У них же сегодня должны быть похороны, — кивнул Андрей в сторону дома Полякова.

— Похороны закончились — сосед уже в землице, — покачала головой Вера Ивановна. — Я там была и на кладбище ездила. Хотела на поминки остаться, да, слава богу, ушла.

— Почему?

— А вы что, не видите и не слышите? Как понаехали эти — родственники и земляки Эдика, я и ходу оттуда. Вот богохульники. Сколько живу — таких поминок не припомню.

— Вы давно здесь проживаете?

— Давно. Пятнадцать лет уже. Как зять построил дом, так и живу. Настя уже здесь родилась. Моя квартира тоже в зачет пошла.

— А Михаил Яковлевич? Он раньше вас построился?

— Нет, позже, — наморщила лоб Вера Ивановна. — Участок долго стоял. Потом они появились — с Машей. Вместе тут стройкой руководили. Маленькая Ирка часто у нас оставалась. Маша очень хорошая была, царство ей небесное.

— А что скажете о Полякове? Что он был за человек?

— Ну, что... вы ведь знаете... товарищ капитан...

— О покойниках либо хорошо, либо ничего, — продолжил Андрей. — Тем не менее, постарайтесь объективно его охарактеризовать.

— Прежде всего, я сказала бы, что он просто был непонятен. По крайней мере, мне. То есть, характер у него был какой-то нестабильный. Порой, знаете, улыбается, а в глазах — холод. Аж как-то не по себе. По-моему, и Маша сильно от этого страдала...

— А чем он занимался?

— Простите?

— Кем работал?...

— Бизнесменом, как сейчас говорят. Причем,

как-то несерьезно...играючи. По словам Маши у него чего только не было: магазин, строительная фирма, потом... салон красоты, мебельный цех и так далее. Он легко открывал что-то, потом — закрывал... при нас, правда, он продал последний свой магазин лет пять назад. После этого сидел дома. Создавалось впечатление, что потеря кучи денег для него было небольшой проблемой. Потому что...

— Потому что он их не считал, — помог завершить затянувшуюся паузу капитан.

— Да, денег у него было очень много. Источник мне неизвестен, но уж точно не от его этих убыточных... бизнесов. Ну... вы знаете, все таки женщины есть женщины со своим любопытством. Я пыталась ненавязчиво выяснить это у Маши. Она всегда отмахивалась, но потом как-то призналась, что и сама понятия не имеет, откуда ее муж черпает средства.

— Вы часто общались?

— Нельзя сказать, что мы сильно дружили, но в гости друг к другу ходили. Особенно поначалу. Они, правда, нас посещали чаще. Так вот, у Михаила было страстное и странное увлечение. И Маша об этом говорила. Это медицина и биология. Почему странное? Да потому, что ни один из так называемых коммерческих проектов Полякова не был связан с медициной. А какая у него

библиотека! И в гостиной, и в его кабинете...

Никитин вспомнил, что в доме покойного действительно находились два высоких стеллажа. Однако книги там были преимущественно художественные. В кабинет он лично не заглядывал. По возвращению в отдел он решил еще раз изучить протокол осмотра места преступления и, по необходимости, назначить полноценный обыск. Пока не поздно. Тем более, что в кабинете наверняка имеется компьютер и содержимое жесткого диска может представлять интерес для следствия. Интернетом хозяин предположительно тоже пользовался, судя по наличию спутниковой тарелки.

— Вера Ивановна, вспомните, пожалуйста, в тот день вы ничего подозрительного не замечали? На улице, например?

— Как раз об этом и спрашивал ваш товарищ. Нет, ничего такого не было. И люди незнакомые тут редко ходят. Я бы обратила внимание.

— Камеры видеонаблюдения в вашем доме есть?

— Нет. Зять все мечтал поставить, но так и не собрался.

— У Лекомцевых есть, и у Ивановых, — вдруг раздался тоненький голос.

— Настя! — встрепенулась бабушка. — Нехорошо подслушивать взрослых!

— Все нормально, — засмеялся Андрей, оценив слух и внимательность девочки, — Настя, покажешь мне эти камеры?

— Запросто, — прощепетала та, спрыгнув со скамейки.

— Не волнуйтесь, Вера Ивановна, я ее приведу назад, — успокоил капитан бабушку, заметив явный протест в ее глазах.

Камеры Ивановых были направлены во двор и практически не контролировали улицу. А вот у Лекомцевых, чей дом располагался напротив Поляковых, одна из видеокамер, похоже, захватывала угол забора соседей. Проводив Настю и поблагодарив хозяйку, Никитин вернулся назад. В это время к воротам подъехал внедорожник, и те начали медленно открываться. В ответ на характерный жест Андрея опустилось тонированное стекло, обнажив не очень дружелюбное лицо водителя:

— В чем дело?!

Капитан молча развернул удостоверение.

В глазах мужчины, похоже, пронеслась вся его жизнь. Вначале это было просто недоумение, потом глубокая задумчивость, а затем нечто вроде жуткого животного страха. Никитин предположил, что, если бы он сейчас сказал что-либо типа: «Лекомцев, мы о вас все знаем», то действительно получил бы заслуживающую внимания следствия

информацию. Однако сейчас речь шла не о нем, и пришлось произнести совершенно другую фразу:

— Мне нужно поговорить о вашем соседе.

— Проходите, пожалуйста, — уже совсем другим тоном произнес мужчина.

Андрей шел за хозяином в направлении террасы и слушал его бессвязные слова:

— Я как первый раз увидел этого Эдика... так сразу и понял, что за тип. Женился он по расчету... тут и к бабке не ходи. Скользкий он какой-то. Несколько раз подкатывался... ко мне... с какими-то хреновыми коммерческими предложениями...

— Извините, как ваше имя-отчество?

— Да какое отчество? Просто Олег...

— Ну, хорошо, Олег. Вообще-то, я хотел спросить вас о Полякове...

— Вот я и говорю, не успел похоронить тестя, как закатил праздник — с салютами и танцами.

— С Михаилом Яковлевичем какие у вас были отношения?

— А..., — Лекомцев, как будто вдруг что-то вспомнив, уставился на Никитина. — Это совсем другое дело. Богатый был мужик и... очень надменный. Цену себе знал. Правда, дела у него шли не очень... да, и не любил он об этом рассказывать. Я ему по гроб жизни обязан. Теперь уже что... сейчас вот с кладбища — отвез венки. На

похороны не успел, а на поминки... какие там поминки... вон что Эдик творит. Лет пять назад сосед спас моего сына. Тот полез на дерево и упал. Так неудачно, что у него остановилось сердце. Так Михаил его реанимировал. Врачи потом сказали, что очень грамотно и своевременно все было сделано.

— Поляков имел какое-либо отношение к медицине?

— По моему, только на уровне хобби. Мария как то говорила, что он увлекается анатомией или что-то в этом роде.

— Скажите, чем вы занимались во вторник?

Лекомцев закатил глаза в потолок, затем напрягся и дрожащим голосом спросил:

— Это когда соседа... того?... Неужели и правда его убили? Мне жена сказала. Так в тот день я был в Москве. Я, конечно, понимаю, что вам необходимо проверить все окружение Михаила Яковлевича, но я, наверное, самый последний, кто хотел бы его смерти.

— Накануне ничего подозрительного не замечали?

— Ваш опер в тот день у жены то же самое спрашивал. Нет. Все было как обычно.

— Олег, камеры видеонаблюдения в рабочем состоянии?

— Да, конечно. Правда, давно уже не

проверялись.

— Меня интересует та, которая установлена над воротами. Сколько времени хранится информация?

— Точно не знаю. Система, конечно, не супер. Наверное, дней десять.

— Посмотрим?

— Да, пройдемте.

Небольшой пластмассовый ящик с монитором наверху располагался в углу гостиной. Лекомцев нажал несколько кнопок, после чего из четырех картинок осталась одна — пространство перед воротами. Андрей с удовлетворением отметил, что угол забора Полякова там тоже присутствует.

— Та-ак, вроде все нормально, — подал голос хозяин. — Вторник, вторник... это у нас было... семнадцатое число. Я понимаю, что вас интересует движение машин и людей в этот день. С которого времени начнем?

— С нуля часов, как полагается. Разумеется, в ускоренном режиме. Когда необходимо замедлить или остановить, я скажу.

— Повторюсь, что это средненький вариант охранной системы — такая добротная Чина. Поэтому в темноте мы ничего не увидим, если только объект сам себя не освещает.

— Неважно, поехали...

В темное время суток камера зафиксировала

лишь две машины. Лекомцев их тут же идентифицировал, указав на принадлежность дальним соседям. А вот с утра уже пошли и люди. Однако ничего заслуживающего внимания замечено не было, кроме одного эпизода. Когда же экран вновь потемнел, Никитин попросил вернуться к четырем часам дня и пошагово прокрутить изображение некоего человека. Он попал в поле зрения камеры в момент, когда, казалось, что-то рассматривал на заборе Полякова. Затем быстро проследовал к перекрестку и скрылся за углом. Таким образом, он был снят со спины и затылка. Возможно, он заметил камеру и специально от нее отвернулся. Это был слегка сутулившийся, среднего возраста и телосложения, мужчина. Одет он был в темные брюки и серую куртку-ветровку. На голове у него была светлая бейсболка, а в правой руке — черный кейс. Последний атрибут и привлек внимание Андрея. Небольшой по размеру чемоданчик явно очень много весил, поскольку сутулость субъекта, скорее всего, этим и объяснялась. Лекомцев так и не вспомнил, кто бы мог это быть. На прощание он протянул Никитину дискетку с записью незнакомца.

В отдел Андрей заглянул уже в сумерках. Планировать на завтра обыск было бессмысленно, поскольку впереди маячили выходные дни. К утру понедельника необходимо было подготовить

бригаду, написать постановление и как можно раньше получить санкцию. В протоколе осмотра, который Никитин выудил из компьютера, как и ожидалось, кабинет хозяина упоминался лишь однажды. В том смысле, что следов присутствия посторонних там тоже не обнаружено.

Субботнее утро принесло Никитину совсем не то, чего он ожидал. Было желание, как у нормального холостого трудоголика, сгонять на работу и покопаться в некоторых незавершенных делах, но не дали. Это был телефонный звонок, но кто бы это мог быть?

Четыре года назад Андрей скоростижно женился, прислушавшись, скорее, не к своим чувствам, а к мнению и советам окружающих, преимущественно мужского пола. Потому что Алена Панкова по праву занимала первое место среди красавиц силовых структур города Брянска. Когда он впервые увидел ее, то первая его реакция ничем не отличалась от реакции всех остальных мужиков — ступор и раскрытый рот. До сих пор для него, да и не только, является загадкой тот факт, что она выбрала именно его. Однако «счастье» продлилось недолго. Через полгода замужества Алене захотелось на свободу. Проведенное с ней время, как справедливо считал Никитин, все равно не прошло даром. В плане жизненного опыта. Дело в том, что господь и

природа, вопреки сложившемуся мнению, наградили эту женщину не только яркой внешностью, но и незаурядным умом, включая чувство юмора. Позже стало очевидным еще одно ее достоинство — Панкова оказалась непревзойденной в «науке» под названием Камасутра.

Андрею также было известно, что в последний год она ублажает первого заместителя начальника Управления, отправив в «отставку» его жену с двумя детьми.

— Андрюшечка, это я, — прозвучал в трубке ангельский голосок.

Быстро справившись с внезапным волнением, Никитин хмуро буркнул:

— И что?

— Я ушла от Беседина.

— Ну, а я при чем?

— Можно к тебе?

Окинув взглядом неубранную «однушку», Андрей пробормотал первое, что пришло в голову:

— Только ненадолго.

Она ворвалась, как легкий летний бриз. Приземлив сумки с напитками и закусками, с возгласом «Люблю только тебя!» бросилась Никитину на шею. Даже если бы он ничего не хотел и сопротивлялся, все равно итог был бы один. Спустя время, он мутным взором созерцал

окружающее пространство. От прихожей до дивана по полу тянулся шлейф различной одежды: Аленина блузка, его футболка, ее босоножки с джинсами, его треники с тапками и, наконец, его и ее нижнее белье — уже на диване.

Потом был пир. И опять постель. И так далее... к концу дня Андрею стало понятно, что же на самом деле представляет собой выжатый лимон.

В воскресенье захотелось на свежий воздух. И не просто погулять, а погулять шикарно. Для этого был выбран соседний регион — конкретно Национальный парк «Орловское полесье». В свое время Алена и открыла ему это удивительное место. Тогда они, как минимум, раз в месяц сюда приезжали. Однако после расставания он ни разу здесь не был. Казалось, просто не было времени. Поэтому сейчас он был безмерно рад данному обстоятельству. Прихватив по пути три буханки хлеба и килограмм конфет для кормления зверей, они мчались продолжать праздник.

При въезде в заповедник Алена заказала номер в одноименном отеле. На сутки. Поэтому никто не стал сомневаться в том, что день и ночь вновь пролетят незаметно. Назад они выехали лишь в шесть утра в понедельник...

Утренняя пустая трасса, безоблачное небо и яркое солнце, светящее в спину, придали водителю и его далеко не супермашине дополнительные

силы.

— Милый, ты хоть за скоростью следишь? — зевнув, спросила Алена.

Опустив глаза, Никитин с изумлением обнаружил цифру, которую никогда даже и не мечтал увидеть на спидометре своего «Сандеро». Сто восемьдесят километров в час — это совсем для других машин, казалось ему.

— Это он на радостях, — попытался пошутить Андрей.

— Кто? — не поняла Алена.

— Мой автомобиль, — было сказано уже вполне серьезно.

Никитин почувствовал боковым зрением пристальный и выжидающий взгляд дамы. А спустя несколько секунд она уже взорвалась диким хохотом. К сожалению, он не смог удержать свой организм, который тут же присоединился к непонятному и безудержному веселью. «Сандеро» в это время снизил скорость до полной остановки. Если бы данное действие наблюдали со стороны, то наверняка приняли бы этих людей за сумасшедших.

Веселье завершилось длительным поцелуем, а чтобы не случилось еще какого-либо логического продолжения, Андрей включил передачу.

— Андрюшенька, а давай я к тебе перееду, — жалобно прощebetала Алена.

Однако, заметив уже далеко не веселое

выражение лица Никитина, слегка изменила тон:

— Я помню — ты сказал ненадолго. Давай — на три месяца. Ну, на два. Ну, хорошо — на месяц. Всего на один месяц!

После последней фразы капитан кивнул головой. Последовавшая благодарность чуть было вновь не привела к остановке автомобиля.

Время позволяло заехать к матери Алены и забрать вещи, которые на девяносто девять процентов состояли из гардероба. Они находились в полной боевой готовности, то есть стояли в прихожей в виде трех больших сумок.

— А я так и не успела распаковаться, — гордо констатировала их хозяйка, зайдя в квартиру.

— Андрюша, это ты? — всплеснула руками Анна Ивановна — мама Алены. — Как я рада тебя видеть, милый мой мальчик! Думала, что опять этот лысый. Ты уж прости мою дуру и меня тоже. Видать, воспитывала я ее, да как-то не так.

— Ничего, Анна Ивановна, не ругайте себя, — обнял бывшую тещу Никитин. — В том, что мы разошлись, была и моя вина. Постараюсь исправиться...

— Так вы опять вместе?! — не поверила своему счастью женщина. — Дай бог. Дай бог.

С этими словами она перекрестила Андрея, а заодно и свою блудную дочь.

— Мама, не начинай, — подала голос

Алена. — Нам пора.

Дело прошлое, но одно время Никитин сильно удивлялся, как у такой божественной женщины, учителя русского языка и литературы, могла вырасти такая «гадость».

Обыск в доме Поляковых оказался не напрасным. Конечно, никакого аппарата по перекачке крови найдено не было, но зато была обнаружена крупная сумма денег. Куча американских долларов в сумме около миллиона хранилась под столешницей письменного стола в кабинете покойника. Более половины стодолларовых купюр, из которых и состояли пресловутые пачки, были старого образца, то есть с маленьким Франклином. Присутствующие при обыске новые хозяева по-разному реагировали на эту находку. На вопрос «Знали ли вы о наличии этих денег?», Ирина сразу дала отрицательный ответ. Эдик же вначале утверждал, что знал. Тесть якобы рассказывал ему о них и даже обещал помочь в бизнесе. Однако затем стал категорически отрицать. Это случилось после того, когда ему объяснили, что если деньги не имеют криминального происхождения, то вернутся в семью. И напротив — если имеют, то «знавшему» в какой-то мере тоже придется отвечать. Одна лишь соседка Вера Ивановна, присутствующая в качестве понятой, твердо заявила, что нечто подобное и

ожидала увидеть.

Библиотека в кабинете Полякова действительно превосходила ту, которая была в гостиной. Здесь уже находилась не только художественная литература. Около половины книг были научными, львиная доля из которых содержала медицинскую тему — от «Строения клетки человека» до «Патологической анатомии». Кроме того, компьютер Полякова тоже мог представлять интерес для следствия, благо, что вся информация была открытой — ни на одном файле не стоял пароль. Поэтому системный блок также был изъят для «...проведения следственных мероприятий». Более никаких носителей информации, вроде ноутбуков или планшетов, обнаружено не было. Мобильный телефон в ходе обыска, к сожалению, тоже не отыскался.

К «крутым» специалистам Никитин обращаться не стал. Их помощь могла понадобиться лишь в определении пароля электронного адреса. А пока в содержимом изъятых блоков он решил покопаться сам. Благо, что собственные познания в цифровой технике он оценивал выше рядового пользователя. На подключение и загрузку компьютера у него ушло не более трех минут. Когда, наконец, высветилась древняя заставка в виде зеленого лужка и голубого неба, зазвонил мобильник:

— Андрюшенька, это я. У тебя телефон был вне зоны. Тебе никто не звонил?

— Алена, что опять случилось? Вроде все уже решили. Ты меня отвлекаешь.

— Я — быстро. Пришла сегодня на работу — звонит служебный телефон. Подняла трубку, а там Стас. Я ведь его в своем айфоне в черный список внесла. Так вот — вначале сильно ругался, потом чуть ли не рыдал, потом опять ругался... а в конце, сказал, что если узнает, что я опять спуталась с тобой, то убьет... тебя...

— Да ну? Он не уточнил — как? Физически или морально? Ты ведь, как никто, можешь объективно оценить наши возможности. Имею в виду — физические.

— Андрюш, не волнуйся, тебе точно нет равных. Я о другом. Беседин — первый зам, без пяти минут полковник и, наконец, просто мерзавец. От него можно ожидать чего угодно... я просто хочу предупредить тебя... любимый.

— Спасибо и... успокойся. Мне нужно работать, — отрезал капитан и вышел из связи.

Подвинув курсор к значку «Мои документы», Андрей в предвкушении нажал, наконец, кнопку «мыши»... и тут вновь зазвонил телефон. На сей раз — городской.

— Никитин? — послышался смутно знакомый голос.

— Да, капитан Никитин. Слушаю.

— Подполковник Беседин. Догадываешься, зачем звоню?

— Понятия не имею, — как можно естественнее произнес Андрей.

— Она с тобой?

— Кто?

— Ты, бля, со мной, что, играть будешь?

— Не понимаю, о чем вы говорите, товарищ подполковник. У меня есть непосредственное начальство. Его зовут Гурко Илья Семенович. Тоже подполковник. Звоните ему, если есть какие-то вопросы. А я не имею права нарушать субординацию.

С этими словами Никитин нажал кнопку «Сброс» и не стал класть трубку на рычаг. Сделав глубокий вдох, он приступил к работе.

Все «Документы», обнаруженные им, можно было условно разделить на три группы: скачанные из сети, сформированные самим пользователем и, скорее всего, сохраненные из электронной почты. Все они могли быть классифицированы и по другому признаку: имеющие отношение к коммерческим проектам Полякова или нет. Что интересно, в противном случае файлы имели исключительно медицинское направление. В этой части Никитина особо заинтересовали несколько «вырезок» из зарубежных СМИ, посвященных

работам некоего доктора Дэвида Брауна. Тексты были снабжены переводом на русский язык. Одна из статей с красочными фотографиями посвящалась новейшей лаборатории ученого в Лос-Анджелесе, вторая представляла собой журналистское расследование его жестокого обращения с животными. В одной из них содержалась сенсационная информация о якобы секретном контракте института Брауна с Пентагоном о создании оригинальных носителей ядерного оружия в виде китов-касаток. Были даже шуточные публикации вроде размещения фотографий самого доктора в окружении дельфинов, морских котиков и... аквалангистов с текстом, что Браун дрессирует все, что плавает.

В «локальных дисках» содержалась масса фото и видео материалов. Это были семейные фотографии и видеосъемки с женой Полякова и растущей дочкой, фотографии самого хозяина и его друзей или бизнес партнеров. В самый разгар изучения информации, дверь кабинета резко запахнулась, явив на пороге... подполковника Гурко.

— Что такого ты сделал Беседину?! — сходу прозвучал вопрос.

— Ничего. Я вживую общался с ним года полтора назад, — вроде не соврал Андрей. — Он тогда еще был начальником Советского отдела.

— Послушай меня, внимательно, Андрюх, — Гурко плюхнулся на «гостевой» стул Никитина. — Я, слава богу, не первый год работаю с людьми... разными людьми — с тобой, например... Ты, думаешь, я не понимаю, что происходит? Если звонит вышестоящее начальство с целью получить какой-либо компромат на моего подчиненного... как я должен реагировать? Сдавать тебя или защищать? Короче... я его послал... козла. Что теперь будет, не знаю. Скорее всего, война. С Горбуновым, я, конечно, в нормальных отношениях, но, тем не менее... к чему я все это? Чтобы тебя защитить, мне нужно знать правду... всю правду. Ты это понимаешь?

— Понимаю, — глухо буркнул Никитин. — Во-первых, разреши, Илья, искренне поблагодарить тебя за твою... позицию.

Андрей встал и крепко пожал руку Гурко. Он знал, что начальник, несмотря на эпизодически случающиеся «выверты», по сути своей является нормальным мужиком, на которого в трудную минуту всегда можно положиться. За каких-то несколько минут без всяких «архитектурных излишеств» Никитин изложил историю конфликта с Бесединым, одновременно удивляясь тому, что Гурко вообще ничего об этом не слышал.

Когда увлекательный рассказ был завершен, подполковник, словно прочитав мысли

подчиненного, произнес:

— Странно, что я об этом раньше ничего не слышал. Тем не менее, подумаю, как нам действовать дальше. Главное — это наша работа. Будем делать ее достойно — никакая сука не придерется. Тебе, Андрюш, надо рыть глубже по последнему делу... как его... по Полякову. Оно приобрело резонансный характер. Тут тебе не только начальство, но и пресса.

Уходя, Гурко обернулся и все же выдал в своей манере:

— А знаешь, как мне лучше всего разрешить этот конфликт?

— Как?

— Забрать вашу Алену себе...

Никитин, глядя на уже закрытую дверь, почесал затылок, а потом... рассмеялся.

Потребовалось несколько дней, чтобы на железнодорожных и автомобильных вокзалах города проверили камеры на предмет присутствия мужчины с кейсом. Результат оказался отрицательным. Документальных подтверждений получения Поляковым столь крупной суммы денег от бизнеса или еще где-либо также найдено не было. Продолжалась проверка его деятельности до переезда в Брянск, который случился в девяносто первом году прошлого века. Как и у основного фигуранта, алиби ближайшего окружения Эдика в

день убийства его тестя не вызывали сомнений. Электронную почту Полякова удалось взломать, но, похоже, накануне своей смерти входящую и исходящую информацию хозяин стер. Остался только спам, но он не представлял для следствия никакого интереса. От сотового оператора жертвы пришла, наконец, распечатка его последних контактов. Самый последний номер был зарегистрирован на некоего Ежова Валерия Ильича, жителя Одинцово. Тот приобрел СИМ-карту лишь накануне и это был единственный с нее звонок.

С утра Андрей сидел в кабинете за компьютером, где все еще присутствовал изъятый блок, хотя его содержимое в первый же день было перегружено в сервер Следственного управления. Как обычно, после общих новостей, Никитин вошел в закрытое информационное пространство СК РФ. Скользя взглядом по текущим новостям Комитета, он хотел уже перейти на другую страницу, как одно из сообщений заставило его вздрогнуть:

«Эксперты в недоумении. В трупe, найденном в одной из квартир на Юго-Западе г. Москвы вместо крови обнаружена обыкновенная водопроводная вода. Каким образом она могла туда попасть, пока не известно. Следов взлома и проникновения в квартиру, расположенную на четырнадцатом этаже, не установлено. Ведется

следствие».

Прочитав текст несколько раз, Андрей выучил его наизусть. С этим и пошел к Гурко.

— Это же наш случай, — выслушав подчиненного, констатировал подполковник. — А вообще ранее прецеденты встречались?

— Я изучал этот вопрос еще на прошлой неделе. С водой — точно не было. Имели место просто обескровленные жертвы.

— Давай так. Я немедленно свяжусь с людьми, которые занимаются этим делом. Наверняка у них есть какие-то наработки — все-таки Москва.

— Илья, у меня другая идея. Гораздо полезней с этими людьми просто встретиться, да и на месте не мешало бы осмотреться. Вдруг обнаружатся какие-либо совпадения. Уверен, что убийца либо тот же, либо они связаны... нет, скорее всего, тот же.

— Так что ты предлагаешь?

— Послать меня в командировку...

— Да что ты говоришь?! Развеяться захотел, Андрюш? А кто работать будет? Кстати, пришел ответ на запрос по Ежову. Регистрация в паспорте липовая. Нет там такого дома...

— Ну вот, заодно и в Одинцово сгоняю. А отдел за пару дней не развалится, товарищ подполковник.

— Сегодня успеешь собраться?

— Что?

— Спрашиваю, готов убыть сегодня вечером?

— Так точно! — недоуменно выпалил

Никитин.

Он ожидал от Гурко любую экстравагантность, но уж точно не такую мгновенную метаморфозу.

— Ты знаешь, Андрей, — объяснился начальник. — Утром проинформировали, что завтра наш отдел посетит Резников. Только сейчас понял, по чью душу. Поэтому и принял такое решение.

Полковник Резников Владимир Самуилович являлся помощником начальника Управления по собственной безопасности и по совместительству лучшим другом подполковника Беседина Станислава Михайловича.

А капитан Никитин Андрей Владимирович отправился оформлять командировку в столицу.

Школа

Он ворвался внезапно. Очень свежий, с запахом раскинувшейся за окном сирени, майский ветер пронесся над партами, срывая с них тетрадные листки. Собранные в кучу, они, наконец, опустились на голову не кому-нибудь, а завучу

Малашенко Зое Кузьминичне. В это время она как раз и захлопнула входную дверь, остановив движение воздуха.

— Что же вы, восьмой «Б», творите, а? В такую погоду распахнуть все окна! Сейчас же закрыть! Куропаткин, я тебе говорю!

Костя Куропаткин нехотя встал и со словами «В какую погоду?... Нормальная погода...» по очереди закрыл все три окна.

— Ну что, ребята, пообщались? — продолжила Зоя Кузьминична. — Мы с Людмилой дали вам достаточно времени. Теперь же поступим следующим образом: вначале проголосуем открыто, а затем — тайно. По итогам последней процедуры мы и узнаем, наконец, имя комсорга вашего дружного коллектива.

Вот уже второй час восьмой «Б» Смоленской средней школы номер один выбирал себе комсомольского вожака. Это было внеочередное собрание, состоявшееся после того, как Люба Петровская, добродушная и вечно улыбающаяся девушка, покинула эту почетную должность, как и родную школу, не доучившись до конца года всего полтора месяца. Причину этого беспрецедентного случая никто не озвучивал, точнее, официальная версия заключалась в том, что она переехала в другой город. Однако по слухам родители отправили Любу к родственникам подальше от

Смоленска и от нехорошей уличной компании, увлекающейся азартными карточными играми.

Так случилось, что этот класс, как никакой другой, был разделен на два враждующих лагеря. Внешними критериями деления являлись успеваемость и поведение, обусловленное нормами комсомольской морали и руководства школы. В «правильной» части класса находились четыре отличника и практически все хорошисты. В «неправильной» — все остальные. Парадокс состоял в том, что личности, имеющие свое мнение и умеющие постоять за убеждения и за себя вообще, преобладали почему-то во втором коллективе. Кроме того, лидером в нем был пятый отличник, он же — лучший спортсмен класса — Леша Мишин. Первой же половиной класса командовал любимчик многих учителей, а особенно Зои Кузьминичны — Сережа Карпинский. Необычным являлся тот факт, что между лидерами в целом были нормальные отношения.

— Ну, вот и Люда, — обрадовалась завуч появлению комсорга школы. — Так что продолжим. Итак, по итогам нашего с вами предварительного голосования остались две кандидатуры — Карпинский и Мишин. Ваше самостоятельное совещание, похоже, ни к чему не привело. Поэтому ставлю вопрос на голосование. Пока — открытое. Кто за то, чтобы комсоргом

класса был Сережа Карпинский, прошу поднять руки.

Зоя Кузьминична, а за ней и Людмила Львова тщательно пересчитали руки той самой «правильной» части класса, а также с укором, по очереди заглянули в глаза тем, кто руку не поднял. Тем не менее, они остались довольны, поскольку поднятых рук было больше, чем не поднятых. Аж на целых две штуки.

— Кто за Мишина?

В данном случае арифметика нарушена не была. Соотношение осталось прежним. Воздержавшихся также не было.

— А теперь — формальность, — радостно произнесла завуч. — Возьмите свои листки, поставьте букву «К» те, кто за Карпинского, и букву «М» — кто за Мишина.

Львова быстро собрала свернутые листки и пригласила к столу двух учеников в качестве членов счетной комиссии. Далее весь класс с изумлением наблюдал, как четыре вроде грамотных человека не могли совершить элементарных действий. Зоя Кузьминична, покрывшаяся красными пятнами, после очередного подсчета вновь возвращала листки в исходное положение. Бесконечное действие, наконец, прервала комсорг школы:

— Ребята, у нас небольшая нестыковка.

Давайте еще раз открыто проголосуем. Поднимите руки, кто за Карпинского.

— Ну, вот! — пробежав глазами по поднятым рукам, воскликнула пришедшая в себя завуч. — Шестнадцать — за, четырнадцать — против. Откуда тогда взялось восемнадцать «М»?

Последнюю фразу Зоя Кузьминична произнесла явно по инерции, потому что сразу осеклась и прикрыла рот рукой. Положение опять спасла не по годам хитрая десятиклассница Люда Львова:

— Просто ребята устали и ошиблись, Зоя Кузьминична. Немного упростим задачу. Вот на таких листках мы поставим «плюс» — кто за Карпинского, и «минус» — кто за Мишина.

С этими словами она с помощью линейки оторвала полоски от предыдущих «бюллетеней» и раздала ученикам, а после процедуры, уже свернутыми — собрала. На этот раз вокруг стола сгрудился весь класс. Люда развернула бумажки и... насчитала всего двенадцать крестиков.

— Теперь я все поняла! — вдруг обреченно закричала завуч. — Среди нас присутствуют лицемеры! Эти четыре человека... они меняют свое мнение или... боятся, а, впрочем, решайте, как хотите.

Зоя Кузьминична решительно последовала к выходу и хлопнула дверью. Люда, натянуто

улыбнувшись, проговорила:

— Комсорг класса выбирается тайным голосованием. Я поздравляю Мишина Алексея с... победой. Мишин, зайди потом ко мне.

Она тщательно собрала со стола бумажки и, гордо подняв голову, тоже не прощаясь, вышла из комнаты. Ученики, высидевшие пять уроков и два часа выборов, наперегонки устремились на свободу. В проеме двери притормозил лишь Куропаткин.

— Леха, ты с нами или... как? — неуверенно спросил он.

— Ты чего, Костян? Что изменилось?! Мы же договорились! Подождите меня, я к Львице — быстро. Одна нога там, другая — здесь.

Расписавшись в протоколе и недослушав нескольких наставлений от Людмилы Львовой, спустя всего несколько минут новоиспеченный комсорг мчался по улице Соболева. За ним, едва успевая, бежали его верные друзья Костик, Жека и Рома. Впереди замаячила вечная стройка с двумя не менее древними красочными лозунгами. На одном из них с годами менялись лишь цифры. Верхний требовал: «Живешь на Смоленщине — будь строителем!», а нижний обещал: «Задание 1984 года — за десять месяцев!». Свернув перед дырявым забором долгостроя, ребята пробежали еще пару сотен метров и... вот он — ни с чем несравнимый дикий днепровский пляж. Вчера они

договорились открыть купальный сезон, и теперь уж этому никто и ничто не помешает. Даже не очень теплый порывистый ветер.

Побросав сумки и едва раздевшись, ребята с ходу бросились в воду. Иначе и быть не могло, даже если бы там было не пятнадцать градусов, а ноль. Казаться слабаком для каждого из них было равноценно потере дружбы. После длинного нырка первым, как повелось, оказался Леха. Выплыв почти на середину реки, он интенсивно принялся грести против течения. Параллельно ему выстроились и остальные пацаны.

— Вам не жарко, придурки?! — вдруг раздался зычный голос с берега.

Так исторически сложилось, что первая школа являлась неформальным центром такого известного микрорайона города, как Рачевка. Там находился, пожалуй, самый крупный в городе избирательный участок, где выбирали депутатов в Советы всех уровней. Танцевальная площадка школы, в последнее время именуемая модным словом «дискотека», также была известна в городе. Этому способствовал не только собственный популярный вокально-инструментальный ансамбль, но и нередко играющие здесь другие музыкальные коллективы Смоленска. Поэтому каждый субботний вечер возле данного учебного заведения жизнь кипела в буквальном смысле: толпы

молодежи со всех районов города, контролируемые бригадами дружинников, которые в свою очередь были дополнены парой штатных милиционеров. Последнее обстоятельство было оправдано тем, что в темных углах школьного двора порой не только фарцевали, но и торговали алкоголем и сигаретами. Среди подобных «продавцов» даже встречались известные всем рецидивисты.

Один из таких «замечательных» людей по имени Гера и стоял сейчас на берегу, размахивая бутылкой с пивом. Рядом с ним скалили зубы два его «однопольчанина».

— Плывите на берег, пацаны! — крикнул Гера. — У меня к вам дело на сто рублей. Давайте, быстрее, пока яйца не отморозили.

При этом его приятели взяли сумки школьников и сделали вид, что бросают их в реку. Леша движением головы предложил друзьям следовать за ним.

— Что вам надо? — выбравшись на берег первым, спросил он.

— Какой класс заканчиваешь, красавчик? — уже дружелюбней поинтересовался Гера.

— Восьмой.

— Хорошо. Рыбу знаешь?

— Какую рыбу?

— Не придуривайся. Он тоже в восьмом.

— Леха, они Рыбой зовут Карпинского, —

подал голос Костик. — Сам слышал... и видел.

— Ну и ну, — удивился Мишин. — При чем тут они и Сергей?

— Гы — гы — гы, — утробно заржал Гера. — Рыба — родственник Беса, нашего брата. Тот скоро откинется, а мы помогаем ему, как можем. И Рыбе тоже. Только что-то он стал от нас прятаться. Так что увидите его, передайте — пусть срочно меня найдет.

— А зачем он вам? — любопытствовал Куропаткин.

— Много будешь знать, корешок, скоро состаришься, то есть помрешь совсем молодым, — под дружный хохот подельников продекламировал Гера. — Ну, ладно, пацаны, вижу, что просьбу нашу вы услышали. Проконтролировать ее исполнение мы сможем, не волнуйтесь. Потом встретим вас и отблагодарим... по полной...

С этими словами, сопровождающимися непрекращающимся смехом, троица вальяжно двинулась вдоль берега, а их опустошенные бутылки полетели в быстрые воды Днепра.

Дома царил праздник. И не потому что пятница, а точно по какой-то другой причине. Отец уже пришел, хотя обычно раньше пяти никогда не появлялся.

— Вот отпросился на часок раньше, — слышался с кухни его голос, — забрал торт, купил

конфет, газировку — детям, бутылку «Гамянки» — нам с тобой. Это событие нужно обязательно отметить.

— Ой, Лешенька вернулся, — выглянула мама в прихожую. — Теперь все в сборе. Сынок, мой руки и — к столу.

— Что происходит, родственники? — Леша уселся за семейный круглый стол и взглянул на Марину.

Сестренка, похоже, больше всех радовалась еще неизвестному брату обстоятельству.

— Подошла папина очередь на машину! Он в понедельник поедет выбирать модель, — выпалила она, как на духу.

— Маринка сходу объяснила тебе причину нашего торжественного ужина. — рассмеялся отец. — Только позволь ее немного поправить. В начале следующей недели я поеду уже покупать машину, а модель мы выберем прямо сейчас...

— Пап, ну не «Запорожец» же? — мгновенно включился в процесс Алексей.

— Нет, не «Запорожец». На голосование выносятся две модели! — торжественно объявил глава семьи. — Обе — «Жигули» — семерка и девятка.

— Семерка! — выкрикнула мама.

— Девятка! — одновременно вторил ей сын.

— Ну, а ты, дочь, что скажешь? — спросил

отец.

— А я не знаю, — честно призналась девятилетняя девочка.

— Мать, дай «За рулем».

Мама принесла последний номер обожаемого мужской половиной семьи журнала. Развернутый на определенной странице, он был представлен Марине. Та, недолго думая, ткнула пальцем в голубой седан.

— Что и требовалось доказать, — улыбнулся отец. — Ты, Леша, остался в одиночестве. Я тоже склоняюсь к семерке. Она объективно солидней твоей девятки. У нее, во-первых, человеческий багажник, полуторалитровый движок. А на твоей девятке лихачит одна лишь молодежь.

— Как вы не понимаете?! Весь мир уже давно перешел на переднеприводные автомобили. Девятка более скоростная и маневренная. Ее тоже можно найти с таким же двигателем.

— Насчет мира не заливай. Самые солидные производители даже и не думают переходить на передний привод. «Мерседес», например...

— Успокойтесь, мужчины, — вступила в полемику мама. — Я как врач-невропатолог, хорошо разбирающийся в психологии, могу сказать, что Лешенька полюбит и семерку. Потому что она будет, своей, родной. Правда, сынок?

— Может быть, мама, — неуверенно ответил

Алексей.

— Ты ничего не сказал о школе. Какие новости? Когда экзамены?

— Экзамены в июне, но для меня они ничего не значат. Я же не собираюсь в ПТУ. Я собираюсь в девятый класс, а потом на промэлектронику в СФ МЭИ.

— Молодец, сын, — похвалил отец, когда-то и сам закончивший технический ВУЗ.

— А меня сегодня выбрали комсоргом класса! — вдруг неожиданно для себя самого объявил Леша и прикусил язык, потому что тут же хотел похвастаться еще и об открытии купального сезона.

Однако за эту информацию родители точно бы по головке не погладили.

— Вот это новость! Что же ты молчал? — совсем развеселился глава семьи. — Мать, где твой бокал? Появился еще один повод.

Съев огромный кусок торта, и запив его тоже не маленькой порцией «Байкала», Алексей отправился к себе в комнату. По пути он прихватил кипу журналов, чтобы уже сейчас приступить к осуществлению маминого прогноза. Распахнув настежь окно, он впустил в комнату порцию свежего весеннего воздуха. Сегодня, как это не очень часто бывает, купола Успенского собора, на который выходили окна квартиры, сияли голубым с

золотистым отливом светом. Не успел он обложиться журналами, как в комнате прозвенел телефонный звонок. Отец, кого-то поблагодарив, опять позвал всех на кухню.

— Сегодня наш день, мои дорогие, — радостно сообщил он. — Только что позвонил заводской профсоюзный босс и сообщил, что мне оставили четыре бесплатные путевки.

— Куда, папа? — запрыгала от нетерпения Марина.

— В Ригу. Автобусная экскурсия на два дня. Отъезд сегодня в двадцать два ноль ноль. Так что собраться успеем.

— Ну, ты, Коля, хотя бы предупреждал, — нарочито недовольно пробурчала мама. — А вдруг бы я дежурила?

На Колхозную площадь, где располагался автовокзал, семья Мишиных прибыла заранее. Алексея ждал сюрприз в виде... Сергея Карпинского. Он был в компании с молодым мужчиной в фирменном джинсовом костюме и в не менее продвинутых кроссовках. У его ног лежала огромная полупустая спортивная сумка. Отец, проходя мимо, довольно тепло с ним поздоровался.

— Пап, а это кто? — не удержался Леша.

— О, это наш комсомол. Секретарь заводского Комитета комсомола.

— А наш Серега кем ему приходится?

— Твой товарищ? Так ты у него сам и спроси.

Через пару минут эта возможность представилась, благо Карпинский сам решил пообщаться с одноклассником:

— Эй, Леха, зачем в Ригу лыжи наострил?

— Как и все — посмотреть достопримечательности. Я был там всего один раз. Еще маленьким. Почти все уже забыл. А ты разве не за этим?

— Ну, я... не только. Меня дядя взял. Наверное, для дела.

— Так он твой дядя?

— Да — Валера. Брат матери. И хороший знакомый нашей Малашенко. Переживает, что меня не выбрали комсоргом. А я на тебя не обижаюсь, Лех. Все было честно, хотя я еще узнаю, кто у меня так подло скрысятничал. Это ж они в любой момент могут «воткнуть нож в спину». В глаза улыбаются, а за глаза — вон что.

— Даже не знаю, что тебе, Серег, сказать. Скажу честно, что ничего такого не наводил...

— Да, верю я тебе. Не оправдывайся.

— Послушай, чуть не забыл, — встрепенулся Алексей. — Были сегодня на Днепре... купались. К нам подкатили эти... от мороженые — Гера со своими подельниками. Говорили о тебе. В том смысле, что ты от них скрываешься. Приказали нам передать тебе, чтобы срочно связался с Герой... эй,

Сергея, ты чего?

Он заметил, как Карпинский побледнел и даже слегка качнулся. Потом, как будто опомнившись, оглянулся по сторонам и быстро проговорил:

— Леша, ты про это никому не говори. И Косте, и другим скажи, чтобы никому про Геру не говорили. Ладно?

— Ладно. А что такое?

— Ничего особенного. Потом расскажу...

Сергей повернулся и побежал к дяде, который собирался войти в автобус, потому как уже объявили посадку.

Два дня пролетели быстро. Смоленскую группу разместили в комфортабельной гостинице «Саулите», где семье Мишиных предоставили два номера — для мамы с Мариной и Леше с отцом. В субботу состоялись несколько целевых поездок на автобусе — в магазины и на рынок, а воскресенье было посвящено пешей экскурсии по старой Риге, запомнившейся посещением различных достопримечательностей, в том числе Домского собора. Но вот незадача. Как и несколько лет назад, при первых аккордах органа Алексей уснул, а очнулся, когда народ уже потянулся к выходу. Самой же большой загадкой для него был тот факт, что несколько человек из группы, в том числе и Сергей со своим дядей не принимали участия ни в

одной экскурсии. Они исчезли сразу после того, как группа была заселена в гостинице.

Туристы начали собираться на площадке, потому что там уже находился автобус с табличкой «Смоленск». Почти все были с приличными сумками, в которых в том или ином виде содержалась память о Риге. Однако что касается «памяти», то все участники поездки раскрыли рты, когда из своих номеров вышли те самые пятеро пропащих. У каждого из них в руках было по две огромные сумки. Алексей даже кинулся помочь Сергею, которому свои баулы пришлось тянуть буквально волоком. После загрузки багажа все расселись по местам и автобус с чувством исполненного долга резво покати́л домой.

Поговорить с Карпинским удалось только в Даугавпилсе во время первой остановки. Теплая безоблачная майская ночь выманила наружу почти всех туристов. У Мишиных не вышла лишь Марина, которая, свернувшись калачиком, безмятежно спала в своем кресле.

— Ну, и где же вы все время пропадали? — полюбопытствовал Леша.

— Я же тебе говорил, что мы ехали не совсем на отдых. Оказалось, что совсем не на отдых. Я даже эти два дня толком не ел. Мы были в порту. Там на «пятак» у моряков покупали товар.

— Что за товар?

— Шмотки, пластинки...

— А потом куда его девать будете?

— О! Завтра уже половину разберут, а остальное мамка отнесет на Краснинский рынок на реализацию.

— Но это же... как это... спекуляция!

— Какая спекуляция? Все хотят жить... хорошо. Зоя Кузьминична первая прибежит с «англичанкой». Жена директора тоже... да и твои родители у нас как-то появлялись. А про то, что я тебе тут говорил, ты тоже особо не распространяйся. Ладно? Ты же видишь — мы нужные для общества люди. Так говорит дядя Валера, а он, если хочешь знать, секретарь Комитета комсомола авиационного завода.

Всю оставшуюся дорогу Леша плохо спал, потому что пытался сопоставить несопоставимое для советского общества — идейные и жизненные ценности.

А в понедельник праздник продолжился — папа приехал на машине. Это была красавица ВАЗ 2107 цвета «Валентина». Катались целый вечер — по городу, за городом, по берегу Днепра...и, в конце концов, в сумерках доехали до гаража деда Федора на Поповке, где и оставили свою «ласточку». Так успел ее назвать отец. Домой всей семьей приехали на трамвае.

На следующий день Зоя Кузьминична пришла

на урок в цветастой блузке. В восьмом «Б» она преподавала историю. Когда она показалась в дверях, Алексей перехватил взгляд Карпинского, который многозначительно подтвердил происхождение данного элемента одежды. Мишина так и подмывало сделать комплимент завучу, но в итоге он не решился этого сделать. Зато отличился Куропаткин. Уже в конце урока на вопрос учителя «Костя, что ты на меня так уставился?» тот ответил, что от такой неземной красоты не может оторвать глаз. Этим и вызвал бурный и продолжительный смех учеников, который прекратился только со звонком об окончании урока.

Другую роль, теперь уже роковую, в судьбе друга Константин сыграл на большой перемене. Он ворвался в класс и крикнул:

— Леха, малые говорят, что на заднем дворе бьют нашего Карпинского!

С места сорвался почти весь класс — друзья и враги Сергея, также, как и Алексея. В дальний угол школьного двора, где новый забор кое-как соединялся со старым, бежали наперегонки. В какой-то момент все остановились как вкопанные, потому что на пути возник верзила по имени Гера. А дальше... дальше не меньший по размеру «дядька» методично, со всей силы бил ногой по лежащему на траве «мешку». Только приглядевшись, можно было узнать в

бесформенной куче одежды Сергея Карпинского.

— А-а-а! — закричала одна из девчонок.

— Ребята, сделайте что-нибудь! —
взмолилась другая.

Алексей понял, что амбала можно сдвинуть лишь всем классом, то есть организованным коллективом. Но на подобную организацию просто не было времени. Казалось, что очередной удар для Сергея будет последним, попади нога в тяжелом ботинке в голову. И тогда комсорг принял решение. Прошедшей зимой он несколько раз посещал курсы самообороны, которые вел чемпион города по запрещенным восточным единоборствам. Он хорошо усвоил тогда, что, если противник намного крупнее и сильнее тебя, то нужно, используя фактор неожиданности, бить его в самое уязвимое место. Кроме того, чтобы эффект был максимальным, необходимо в той части тела, которой производится удар, сосредоточить всю имеющуюся силу. Алексей объединил обе рекомендации и, разогнавшись, выпрямил в прыжке обе ноги и врезал ступнями в низ живота стоящему над Карпинским детине. Тот, вскрикнув, отлетел на старый забор и затих.

Некоторые тут же стали поднимать Сергея, а другие, сплотившись вокруг Леши, повернулись к Гере. Тот же вразвалочку подошел к своему приятелю и... закричал дурным голосом:

— Что натворили, суки?! Быстро вызывайте скорую... и милицию тоже. Чума, ты меня слышишь? Не умирай!

Все присутствующие, в том числе и неожиданно поднявшийся Карпинский, бросились к тому месту, где раскинулся Герин поделщик. Зрелище было не для слабонервных. Падая, стокилограммовое тело сбило секцию старого ржавого забора, сваренного в свое время из арматуры. Одна из них, согнувшись, пробила грудную клетку и торчала в районе сердца. Фонтанчик крови пульсировал в такт сокращению сердечной мышцы. Из уголка рта бледнеющего лица тоже стекала красная струйка. Девчонки заверещали, а Костя бросился в школу. Через минуту прибежали взрослые. Петрович, учитель по начальной военной подготовке, зажал какую-то белую тряпку на груди пострадавшего. Вокруг бегали люди, потом приехала скорая, потом милиция...

Все это время Алексей сидел на траве, обхватив колени и согнув голову. Происходящее воспринималось им как какой-то дурной фильм. Он не мог понять, как такое в один миг могло произойти. Миг, который в прошлом и который никакими силами уже не вернешь...

— Мишин Алексей? — прогрохотало над ухом.

— Да, — почти не услышав своего голоса, Леша посмотрел на наклонившегося милиционера.

— Пойдем со мной, поговорим.

Милицейская «Волга» с проблесковым маячком стояла возле парадной школы. Внутри на переднем сиденье находился еще один человек в форме. Алексей сел сзади, а вслед за ним «нырнул» и сопровождающий.

— Это он, товарищ майор.

— Мишин Алексей Николаевич, шестьдесят девятого года рождения? — спросил старший.

— Да, — ответил Леша и закашлялся.

— На, попей, — майор достал из бардачка стакан и налил туда воду. — Эх, парень, парень, как же тебя угораздило? Давай рассказывай, как было дело... только всю правду и без утайки.

Сделав несколько глотков, Алексей более или менее успокоился. В таком состоянии он уже мог что-то вспомнить и рассказать. А что тут рассказывать? Он вспомнил чуть ли не каждую секунду с того момента, как Куропаткин объявил об избииении Карпинского и до того, как Чума полетел на забор. Не забыл он и о своих размышлениях в этот промежуток времени, а также о странной просьбе Геры на Днепре.

— Ну, что Леш, давай с тобой договоримся так: ты подписываешь вот эту бумагу, обещаешь из города никуда не выезжать и настоятельно просишь

своих родителей, чтобы они нашли тебе хорошего адвоката. И потом: мы с тобой знаем, что бога нет, но все равно молись о том, чтобы Чумаков выжил. А сейчас советую тебе идти домой. Для тебя учеба на сегодня закончена. Придешь завтра... как ни в чем ни бывало. Хочешь, подвезем?

— Нет, спасибо... и вообще — спасибо вам. Я все сделаю, как вы сказали. До свидания.

— До свидания.

В классе, куда Алексей зашел за сумкой, уже начался следующий урок. Анна Егоровна, учитель математики, жестом успокоила зашумевших учеников.

— Леша, останешься на уроке? — спокойно спросила она.

— Нет, Анна Егоровна, я, наверное, пойду... домой.

— Иди, дорогой, иди. Карпинского я уже отпустила. Ты пострадал не меньше, чем он.

В полутемном коридоре маячило яркое пятно.

— Мишин, ты куда?!

— Домой, Зоя Кузьминична.

— Кто тебя отпускал?!

— Не знаю... Анна Егоровна и... милиция.

— Милиция? Вот теперь там тебе и место! Комсорг... хренов. Это из-за тебя Сережу избили?!

— Да вы что, Зоя Кузьминична? — от такого неожиданного вопроса у него перехватило

дыхание. — Я, наоборот, его спасал.

— А там разберутся, кого ты спасал. Завтра чтобы родители были в школе! Понял?

— Понял.

В пустой квартире он не находил себе места, пока не упал ничком на диван и забылся тяжелым сном...

— Сыночек, что с тобой? Заболел? — откуда-то издали раздался мамин голос.

— Нет, нет, со мной все нормально, — спросонья пробормотал Леша.

Однако, словно током, его тут же пронзило осознание перевернувшегося мира, а неокрепшая подростковая психика не смогла удержать поток слез.

— Что случилось, Лешенька? Не волнуйся... не плачь, милый, рассказывай, — мама обняла сына, поглаживая его по голове.

Когда душераздирающий рассказ закончился, роли поменялись. Теперь уже Алексей, как мог, успокаивал маму, которая перенесла настоящий шок. Кое-как придя в себя, она начала действовать:

— Как фамилия... кого ты ударил?

— Чумаков.

После нескольких телефонных звонков выяснилось, что пострадавший находится в областной больнице в отделении реанимации и что состояние его — критическое. Далее последовали

звонки отцу, но тот к этому времени уже покинул завод.

Через полчаса он явился — улыбающийся, и с очередным предложением:

— Заехал в гараж, взял машину, а сейчас заберем Маринку из продленки и — к бабушке в Починок. Как вам мой план?... стоп... что случилось?

— У нас беда, Коля..., — мама подробно изложила нависшую над семьей проблему.

— Как же так? Ведь все было так здорово, — бормотал отец. — Говоришь — адвокат? Позвоню Калиниченко — у него много знакомых юристов, защитников... даже в Москве.

Юрист авиационного завода продиктовал ему номер московского телефона одного из лучших адвокатов страны. После пятой, наверное, попытки со светилой, наконец, удалось связаться. Отец долго и сбивчиво объяснял суть произошедшего, а затем также долго и внимательно слушал ответ корифея. Прервал он его лишь двумя словами «Сколько?!» и «Согласен».

— Я согласился, — положив трубку, подавленно сообщил он. — Юрий Натанович приедет завтра. Сказал, что дело выиграет. Но... мне придется продать «ласточку». И еще... он просил, чтобы ты, Леша, больше ничего не говорил ни следователю, ни какому-либо другому

милиционеру. Просто молчи и все. Любые беседы на эту тему теперь будут проходить только в присутствии адвоката.

— Папа, может быть, не нужно никакого адвоката. И не нужно продавать машину, которую ты ждал полжизни. Я выкарабкаюсь...сам...

— Нет, сынок, лучше перестраховаться, чем потом жалеть всю жизнь.

На следующий день Леша пришел в школу с мамой. Он сразу же направился в класс, а она — в учительскую. Было заметно, что отношение к нему изменилось. Причем, всех. Класс бурлил, перешептывался и выглядел теперь словно перетасованная колода. Каждая из группировок разделилась на две части. Во «враждебной» — половина откровенно злорадствовала по поводу «переплета» Мишина, а другая напротив, выражала симпатии за самопожертвование в отношении их лидера. В своей же компании одни считали Леху героем, а другие не понимали, зачем он полез выручать Карпинского, да еще с такими последствиями. То же самое происходило и с учителями. Первый же урок это показал. Учительница английского языка явно игнорировала своего лучшего ученика. А вот военрук Владимир Петрович в торжественной обстановке объявил Алексею благодарность.

Всех, однако, превзошла завуч. После уроков